

УДК 81'276.6

С. В. БУРЕНКОВА

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ АНЕКДОТОВ

В статье рассматриваются жанровые особенности немецких шуток и анекдотов: их структура, тематика и проблематика, основные персонажи. Применение метода сравнительного анализа позволяет выявить сходства и отличия в построении и содержании немецких и русских шуток. Приведенные в статье примеры доказывают, что шутки являются существенным источником лингвострановедческих сведений о характере и менталитете народа, о жизни страны изучаемого языка, так как объектом юмора выступают нарушения значимых для культуры норм и ценностей.

Ключевые слова: анекдот, жанровые характеристики, нарушения норм и ценностей, немецкий язык.

Анекдот присущ в той или иной разновидности любой национальной речевой культуре, юмор анекдота вне зависимости от его культурной принадлежности основывается как на ситуативном, так и на словесном комизме.

Расшифровка комического подтекста приносит удовлетворение, а умение декодировать смысл шуток на иностранном языке свидетельствует еще и о достаточно высоком уровне сформированности коммуникативной компетенции в совокупности её лингвистической и социокультурной составляющих.

Современная лингвистика изучает анекдот во многих аспектах: с точки зрения его отличительных жанровых особенностей и форм, выразительных средств языка, возможностей перевода на другие языки и т.д. Так, исследованию специфики данного явления в русской культуре посвящена монография Е. Я. Шмелевой и А. Д. Шмелева [1]. Исследователи юмора единодушно отмечают факт отражения в анекдотах культурных и житейских реалий национального языка, что детерминирует самобытность национальных шуток и анекдотов, уникальность и непереваемость игры слов, лежащей в основе создания комизма.

Отличия обнаруживаются и в номинациях этого жанра в разных языках.

В немецком языке лексема *die Anekdote* обозначает короткую весёлую историю о знаменитой личности или об эпохе, о забавном случае, который приключился с кем-либо из известных людей. Подобные забавные истории об исторических личностях занимают в сфере немецкого юмора важное место, сравните:

Goethe ging gern auf dem Weg spazieren, dessen Breite nur für eine Person Platz ließ. Wenn er jemandem begegnete, musste er dem anderen oder der andere ihm ausweichen. Einmal begegnete ihm ein Kritiker, der Goethes Werke bisher heftig kritisiert hatte. Als sich die beiden Spaziergänger gegenüberstanden, sagte der Kritiker überheblich: «Ich weiche keinem Narren aus!» — «Aber ich!» antwortete Goethe und trat mit einem Lächeln zur Seite [2].

То, что в русской культуре понимается под словом «анекдот», соответствует немецкому слову *der Witz* — «шутка», сравните пример:

Eine Russlanddeutsche spricht den Mercedesfahrer an, dessen Auto ihrem Wagen die Ausfahrt sperrt: «Ist das Waschmaschine?» Darauf folgt die Antwort: «Meine Dame! Das ist keine Waschmaschine, das ist ein Auto!»

Тексты анекдотов и шуток имеют жестко заданную структуру: «сначала задается ситуация, затем рассказывается история, похожая на задачу, имеющую несколько решений. В несоответствии начала и конца анекдота кроется «соль» анекдота. Во время слушания воспринимающий информацию проходит две стадии: понимание несоответствия и нахождение скрытого смысла» [1, с. 131]. Особая жанровая маркированность анекдота проявляется в «юмористической концовке и в строго дозированной протяженности текста» [3, с. 373].

Немецкие шутки, как и русские, имеют зачин и развязку. Зачины русских анекдотов, как правило, ничем не отличаются от немецких, они называют действующих лиц, сообщают место действия анекдота, тему и создают напряжение ожидания. Сравните:

«Ein Mann kommt ...»

«Der Mann sagt ...»

«Der Vater fragt seine zehnjährige Tochter ...»

«Ein Zebra und ein Löwe betreten in einer Oase ein Restaurant ...»

«Kommt ein Mann in die Bäckerei und sagt ...»

«Eine Katze und eine Maus gehen in die Konditorei ...»

«Приходит муж домой ...»

«Сын спрашивает отца ...»

«Приходит женщина к доктору и говорит ...»

«Встречаются два друга ...»

Зачин анекдота может быть и развернутым. Так, например, интродукция анекдота может строиться по законам традиционной бытовой сказки с троекратным варьированием события [4], что довольно часто встречается как в немецких, так и в русских анекдотах.

«Ein Deutscher, ein Pole und ein Russe stehen auf einem Hochhaus. Der Russe hat eine teure Rolex, der Deutsche hat eine recht normale Uhr und der Pole hat eine 5 Euro-Uhr vom Kiosk. Es streiten sich alle drei: "Meine Uhr ist die beste!" ...»

Попали русский, немец и американец на необитаемый остров. Ну что делать? Решили половить рыбу, авось, что поймут. Поймали золотую рыбку. Она им и говорит...

Иногда зачин немецких анекдотов может выражаться заголовком, стоящим перед анекдотом и называющим место действия или главную мысль анекдота. Например: «Beim Arzt», «Eine Theateranzeige», «Erkannt», «Gesundheit!», «Im Zoo», «Der Zwilling», «Im Theatre», «Beruf».

Ein heilsamer Rat. Es unterhielten sich zwei Studenten. Der eine sagt: «Sehr oft sehe ich mich im Traum schon als Professor. Wie meinst du, was soll ich tun, um diesen Traum in die Tat zu setzen?»

«Weniger schlafen» — lautete die Antwort [5].

Русские анекдоты, как правило, не имеют заголовка.

Развязка анекдота всегда должна быть краткой, неожиданной, часто парадоксальной, что обычно и делает анекдот смешным, сравните:

Wer Geld hat, kauft ein Auto. Wer keines hat, stirbt auf andere Weise [5].

***

Женщина забирает у мужчины все. Даже фамилию.

Тематика анекдотов в русской и немецкой культурах отчасти схожа: семья, профессия, отношения мужчины и женщины, дети, армия, иностранцы, полиция и т.д. Сравните: *Der Tierarzt ruft beim Herrn Meier an: «Ihre Frau ist mit Ihrer Katze da und bat mich, sie einzuschläfern. Ist das in Ordnung?» — «Ja, klar! Und die Katze können Sie raus setzen, sie kennt den Heimweg!»* [5].

Тем не менее каждая из тем может несколько иначе воплощаться в национальных шутках. К примеру, в русской культуре существует множество анекдотов о взаимоотношениях зятя и тещи, поскольку русская семья включает более широкий круг родственников, живущих нередко под одной крышей.

В немецкой культуре, так же как и в русской, существует большое количество анекдотов о рыбалке. Как известно, для рыбалки в Германии обязательно нужно специальное разрешение: *Angelschein*. Но далеко не все немцы хотят оплачивать разрешение и пытаются обмануть бдительных полицейских:

An einem Teich will ein Mann gerade die Angel mit einem Wurm ins Wasser lassen. Da kommt ein Polizist:

— Hier ist Angel verboten. Macht 30 Euro.

Sagt der Mann:

— Aber ich angele doch gar nicht. Ich bringe meinem Wurm nur das Schwimmen bei.

Sagt der Polizist:

— Dann kostet es 50 Euro.

— Warum?

— Ihr Wurm hat keine Badehose an [6].

Любимый напиток немцев — пиво, это находит отражение в многочисленных шутках, сравните:

Hänschen sitzt bei seinen Hausaufgaben: «Du Papa. Was ist das für ein Satz: "Es ist kein Bier im Haus?"» Stöhnt der Vater auf: «Das ist kein Satz — das ist eine Katastrophe!» [6].

Большим разнообразием отличается состав персонажей шутки обеих культур.

Персонажами немецких анекдотов нередко являются видные политические деятели: президент, канцлер.

Schröder und Merkel auf einer Dinner-Party. Merkel geht zu Schröder und sagt ihm: «Es gibt viele Arten, Geld zu verdienen, aber nur eine ehrliche!» Darauf Schröder: «Und die wäre?» Merkel: «Wusst ich's doch, dass Sie die nicht kennen!»

Основная часть немецких детских анекдотов связана со школьным бытом и взаимоотношениями в среде сверстников. Немецкие аналоги русского Вовочки — *Fritzchen* и *Maxchen*.

Maxchen fährt in der Straßenbahn. Eine schwangere Frau steigt an der nächsten Haltestelle ein und findet keinen Sitzplatz mehr. Freundlich überlässt Maxchen ihr seinen eigenen Platz. Darauf sagt die Frau zu ihm: «Du bist aber ein kleiner Gentleman!» In der Schule fragt der Lehrer die Kinder: «Wer weiß, was ein Gentleman ist?» Maxchen meldet sich ganz aufgeregt: «Ein Gentleman ist jemand, der eine schwangere Frau sitzen lässt...» [6].

Международные (мультинациональные) анекдоты, присутствующие в обеих культурах, образуют, по мнению С. Г. Тер-Минасовой, взрывоопасную сферу речевой деятельности, где представители разных национальностей представлены стереотипно [7, с. 85].

Русские в русских анекдотах бывают представлены как пьяницы, готовые на все за бутылку, они ленивы, абсолютно равнодушны к работе, семье, детям [1, с. 75]. Немцы — аккуратны, практичны, организованны, помешаны на порядке, расчетливы. Подобные анекдоты основаны на стереотипном представлении о той или иной культуре, её носителях, сравните:

Можно пить пиво по-немецки — с колбасками, по-английски — с чипсами, по-японски — с суши, а я люблю по-русски — с водкой.

***

Рай — это место, где полицейские — англичане, повара — французы, механики — немцы, любовники — итальянцы, а менеджеры — швейцарцы. Аг — это место, где повара — англичане, механики — французы, любовники — швейцарцы, полицейские — немцы, а менеджеры — итальянцы [8, с. 199].

Поскольку стереотипы поведения разных народов обычно не совпадают, специфические черты поведения, свойственные иным этносам, часто воспринимаются как смешные, глупые, не соответствующие собственной «правильной» норме поведения [1, с. 47].

Как убедить новобранца-парашютиста сделать первый прыжок? Американцу нужно сказать: «Если ты мужчина, ты прыгнешь!» Англичанину: «Сэр, это — традиция». Французу: «Это — просьба

гамы». Немцу: «Это приказ». Русскому: «Прыгать запрещено!»

В русской языковой культуре часто фигурируют представители некоторых народов (русские, немцы, англичане), а также этнических меньшинств (грузины, украинцы, чукчи, евреи).

Немцы в своих анекдотах часто высмеивают восточных фризцев, баварцев, швабов, шотландцев, поляков, турок, западных и восточных немцев. Восточные фризы в немецких анекдотах очень похожи на чукчей в русских: они наивные, простодушные и глупые.

Ein Ostfrieser fährt nach Bayern in den Urlaub und sieht in seinem Hotel einen Spiegel an der Wand. Er packt ihn ein und schickt ihn seinen Eltern mit einem Brief auf dem steht: «Schaut nur wie nett die Bayern sind! Die haben hier sogar ein Bild von mir aufgehängt.» Der Vater sieht sich den Spiegel an und sagt zu seiner Frau: «Mein Gott, ist unser Sohn alt geworden!» Die Mutter schaut über Vaters Schulter in den Spiegel und sagt: «Kein Wunder, wenn er mit so einer hässlichen alten Frau zusammen ist!» [6].

Национальная специфика шуток и анекдотов обусловлена тем, что они являются своеобразным способом передачи культурных, морально-этических и прочих ценностей социума.

Известно, что для представителей немецкой культуры важными являются такие качества, как трудолюбие, образованность, порядочность, честность. Немецкий юмор, для которого, как и для любого другого, обязательным условием существования выступает нарушение какой-либо нормы, высмеивает невежество, глупость, отсутствие навыков культурного поведения, пороки и вредные привычки.

Так, человеческая глупость высмеивалась во все времена. Немцы очень ценят образованность, возможно, поэтому в немецкой, как и в русской культуре, умственные способности блондинок часто подвергаются осмеянию, сравните:

Fragt der Chef die blonde Sekretärin: «Schauen Sie doch bitte mal nach, was für diese Woche im Terminkalender steht.» Darauf die Blondine: «Montag, Dienstag, Mittwoch, Donnerstag, Freitag...»

***

Блондинки всегда загадка: то ли крашенная, то ли родилась гурой.

В немецких анекдотах, высмеивающих невежество и глупость, чаще всего фигурируют восточные фризы, западные и восточные немцы, баварцы.

Ein Verbrecher ist aus dem Gefängnis ausgebrochen. Zum Glück gibt es Fotos, die den Mann von allen vier Seiten zeigen. Das BKA schickt Kopien davon an alle Polizeidienststellen im ganzen Bundesgebiet. Schon am nächsten Tag kommt ein Telegramm aus Ostfriesland: «Fotos erhalten. Alle vier bei Fluchtversuch erschossen!» [6].

Немцев отличает исключительное трудолюбие, ответственное отношение к труду считается исторически сложившейся чертой немцев. В своих анекдотах немцы поощряют трудолюбивых людей, в то время как лень считается одним из худших пороков (хотя современное немецкое общество не лишено этого качества), сравните:

Ein Arbeitsloser geht zum Arbeitsamt, wo er prompt die Adresse einer Firma bekommt, die Arbeitskräfte sucht. Am nächsten Tag erscheint er jedoch wieder auf dem Arbeitsamt. «Und», fragt ihn der Beamte, «was war es diesmal? War die Arbeit zu schmutzig, zu schlecht

bezahlt?» «Nein», sagt der Arbeitslose, «als ich hinkam, hing da ein Schild: „Arbeitskräfte beiderlei Geschlechts gesucht“. Jetzt frage ich Sie: Wer hat denn das schon...» [5].

Изучение анекдотов, характерных для определенной культуры, позволяет выявить, во-первых, значимые для культуры нормы, нарушения которых становятся предметом шуток и насмешек, а во-вторых, установить типичные для культуры табу [9]. Немецкий юмор, как правило, почти всегда связан со злорадством. Не случайно немцы говорят: *Die beste Freude ist die Schadenfreude*. Представляется очевидным, что шутки являются существенным источником лингвострановедческих сведений о характере и менталитете народа, о жизни страны, язык которой изучается в условиях отрыва от естественной языковой среды.

Представленное в статье исследование жанровых особенностей немецких шуток позволяет заключить, что их структура детерминирована прежде всего спецификой жанра: эффектная острота должна быть краткой, неожиданной, противоречивой, уместной. Комичность немецких шуток нередко подчеркивается метким заголовком. В немецкой культуре весьма значительную роль играет литературный анекдот об известных личностях или событиях.

Сравнительный анализ жанровых характеристик немецких и русских анекдотов позволяет сделать вывод о сходстве их тематики и проблематики. Вместе с тем представители немецкого социума охотнее всего осмеивают чьи-либо заблуждения, невежество и глупость людей различных профессий и разного социального происхождения, отсутствие навыков культурного поведения, пороки и другие дурные привычки.

Кроме того, объектом немецкого юмора становятся отклонения от привычных стереотипов поведения, закрепившиеся за жителями отдельных регионов Германии. Тем самым шутки выступают своеобразным способом интерпретации и оценки норм и ценностей немецкого общества сквозь призму их нарушений.

Библиографический список

1. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с. ISBN 5-94457-070-9.
2. Девкин В. Д. Занимательная лексикология. М.: ВЛАДОС, 1998. 312 с.
3. Бородина Л. В. Семантический объем слова как основа текстопостроительных стратегий современного анекдота (на материале русского и французского языков) // Язык. Культура. Коммуникация: материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф., март 2008 г. / Ульяновск. гос. ун-т / отв. ред. С. А. Борисова. Ульяновск, 2008. С. 373–376.
4. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры: материалы круглого стола, 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 17–31.
5. Безруков А. В. Избранные немецкие анекдоты. М.: МНПК Элан, 2007. 64с.
6. Lustige Witze und komische Scherze. URL: <https://www.andinet.de/lustiges/witze/verschiedene.php> (дата обращения: 05.06.2017).
7. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с. ISBN 5-17-041059-X.

8. Буренкова С. В., Кошечева О. В. Коммуникативные неудачи в практике межкультурного общения // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: межвузов. тематич. сб. / под общ. ред. И. И. Гузик. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. Вып. 6. С. 194–202.

9. Буренкова С. В. Нарушения житейских норм и языковая игра // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2012. № 2 (106). С. 137–141.

БУРЕНКОВА Светлана Витальевна, доктор филологических наук, доцент (Россия), профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки». Адрес для переписки: burenkova_anna@mail.ru

Статья поступила в редакцию 15.06.2017 г.

© С. В. Буренкова

УДК 81-26

**А. М. КЛЁСТЕР
М. С. ШУМАЙЛОВА**

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Преподавание профессионального иностранного языка в техническом вузе невозможно без теоретической и практической работы с узкоспециальным текстовым материалом. Актуальность статьи заключается в разъяснении основных понятий лексико-семантического каркаса технического текста, практическое применение которого дает возможность обучающимся верно воссоздавать как текст перевода на родном и иностранном языке, так и успешно заниматься созданием собственных текстов, адекватных нормам языка. Целью статьи является рассмотрение лексико-семантических тонкостей научно-технического текста. Для достижения поставленной цели последовательно решаются следующие задачи: проводится изучение специальной и терминологической литературы по теме исследования; описываются лексические особенности немецких научно-технических терминов и выявляются их семантические связи. Результаты, полученные в ходе исследования, имеют безусловную актуальность, поскольку позволяют составить основу для теоретической и практической работы по моделированию научно-технического текста на немецком и русском языках.

Ключевые слова: термин, терминология, семантика, научно-технический текст.

В профессиональном общении важную роль играет связь информации со знаниями и их использование в речевой деятельности. Речевая деятельность рассматривается в рамках данной статьи как особый вид обработки информации. Это сложный когнитивный процесс, включающий передачу и получение закодированной языковыми средствами информации. В этой связи важны условия осуществления речевого акта и то, между какими партнерами он протекает. Изучение языковой обработки информации, необходимой для передачи знаний, и проблемы коммуникации становятся центральными аспектами в современном терминоведении.

Подробный анализ 400 текстов научно-технической области знания дает основания полагать, что профессионально ориентированный текст насыщен неоднородными по своей семантике языковыми единицами. Семантическое ядро предметной среды, наполняющее и объясняющее тот или иной фрагмент профессиональной деятельности специалиста, составляют термины, профессионализмы, номенклатура и общенаучная лексика. Основной целью

заявленного исследования является комплексное описание лексико-семантических особенностей немецких научно-технических текстов.

Что же представляет собой научно-технический текст? Оправданным видится следующее определение: технический текст — это организованная и специфическая разновидность речевого творчества, которая обладает собственными параметрами, является завершенным письменным документом и имеет определенную целенаправленность и прагматическую установку [1, с. 67]. Специфичность содержания определяется лингвистическими параметрами, в которых и проявляется узкая направленность профессионально ориентированного текста.

Говоря о научно-техническом тексте, логично рассмотреть вопрос о его моделировании, о требованиях, предъявляемых к модели научно-технического текста. Во-первых, научно-технический текст должен быть источником передачи, восприятия, утверждения и хранения технической информации, он является источником контактов в процессе исследований, направленных на решение многих

научных проблем, и выступает средством передачи научного опыта, технического знания. Во-вторых, научно-технический текст должен отражать единый тип мышления участников научной коммуникации. В-третьих, он создает общую заинтересованность и адресует конкретную прагматическую установку специалистам конкретной области научного знания. И последнее, четвертое требование к научно-техническому тексту апеллирует к его жанровой специфике: он должен быть единообразен стилистически и может обладать абстрагированными средствами наглядности: таблицами, схемами, графиками [2].

Важной лингвистической характеристикой научно-технического текста следует считать их репрезентацию особыми лингвистическими единицами — терминами. Все проблемы, возникающие в связи с исследованием научно-технического текста, имеют непосредственную связь с терминологической номинацией. Её изучение в последнее время отличается от принятых и привычных схем анализа термина как единицы сферы фиксации и характеризуется обращением к реальным текстам. О необходимости учета текстовой составляющей при обучении профессиональному языку заявляют известные лингвисты Е. И. Голованова [3], Г. Г. Галич [4], З. И. Комарова [5], Ю. В. Кобенко [6], Е. Н. Мельникова [7], Н. Ю. Шнякина [8]. Именно в тексте заложена методика познания сущности терминологических образовательных процессов, только в тексте открывается возможность поиска ответа на вопрос, каким образом появился тот или иной термин, утверждает Л. М. Алексеева. В новых текстах рождаются новые понятия, которые, чтобы быть включенными в последующие тексты, должны компрессироваться до удобной формы терминологической единицы. Посредством этих терминологических единиц вербализируются новые понятия, которые в дальнейшем также подвергаются компрессии [9].

Создающиеся в процессе научного познания структуры информации объективируются, как правило, в актах номинации. Начальным этапом терминологической номинации должно быть создание ментальных репрезентаций, которые определяют значения единиц, употребляемых для их фиксации в языке. Условия научной коммуникации выдвигают термин на роль той единицы, которая служит для передачи когнитивной информации. Возникновение термина вызвано потребностью экономно вербализировать новое, существенное знание в процессе создания научного текста. Достижение наивысшего когнитивного эффекта в результате переработки фрагмента информации, обеспечивается именно употреблением терминов. Термин концентрирует творческое усилие научной мысли, фиксирует определенный этап научного познания и создает условия для эффективной научной деятельности. Термин определяет коммуникативность научного текста, аккумулирует общую или базовую коммуникативную информацию и является языковой формой репрезентации нового научного знания [10, с. 20].

Используемый в качестве единицы анализа семантики термина фрагмент обладает минимально достаточными свойствами, т.е. не имеет излишней громоздкости, равен одному предложению как минимальной коммуникативной единице, и при этом достаточен для полной реконструкции когнитивной и прагматической ситуации [11, с. 57]. Так, например, можно привести краткий и завершённый контекст с синхроническим толкованием термина

с целью сообщить реципиенту новый для него смысл: *Akustik ist die Lehre von Schwingungen in elastischen Medien, speziell von Schall, seiner Erzeugung, Ausbreitung und seines Empfangs* [12].

В ходе исследования, было замечено, что результирующие аналитические выражения снабжаются в немецком языке словами: *also, zum Schluss, folglich, wie folgt* и т.д.; поворот мысли отмечается союзами: *dagegen, andererseits, aber, doch* и т.д. Эти слова употребляются для конструктивной связи элементов, объединяя отдельные фрагменты в цельнооформленный текст. А, например, недостаточность контекста ярко проявляется при наличии во фрагменте местоименных компонентов, отсылающих к предшествующему вербальному контексту, который также должен быть включен в анализируемый терминологический фрагмент. Так, в приведенном ниже примере недостаточно информации о денотате или термине: *US-Forscher haben für dieses Phänomen schon ein neues Fachwort erfunden: die «Cyberhondrie»; Freies Arbeiten heißt das Fachwort dazu; Ein anderer Terminus wäre «taktische Medien» oder allgemeiner «Internetaktivismus»* [12].

Интересным показался и тот факт, что оценочные характеристики терминов, казалось бы, противоречащие их лингвистическому статусу, вводятся в текстовый фрагмент посредством оценочных предикатов и атрибутов, например: *Die Wissenschaft packt diesen Vorgang verschämt in den schillernden Terminus «Intertextualität»*. Прагматическая нагруженность высказывания обусловлена неодобрением говорящего, связанным с употреблением термина в неясном без дополнительного контекста смысле.

Технические тексты содержат различные заключения, следствия, доказательства, которые вытекают из определенных положений. В таких случаях в тексте часто используются повторы, которые подчеркивают направление авторской мысли, вбирая в себя предыдущее содержание, компрессируя самое важное: *Auch zur Kontrolle der Qualität der Erzeugnisse werden naturwissenschaftliche Methoden benutzt. Es sind Methoden der physikalischen Messtechnik und der chemischen Analyse. Mit ihrer Hilfe kann der Produktionsprozess beobachtet und gelenkt werden.*

Научно-технические тексты зачастую содержат парентетические средства уточняющего характера, синтаксический параллелизм, а также причастные и деепричастные обороты. Стремление к синтаксической компрессии свойственно научно-техническим текстам, например: *Die Tastatur ist anzuschließen; Mit dieser, erst in letzter Zeit benutzten Methode erhält man durchwegs größere Perioden als mit dem axialen Wechselfeld nach.*

В технических текстах часто встречаются описания различных приборов, механизмов и процессов без упоминания носителя действия. С этим связана высокая частотность употребления страдательных конструкций, особенно их безличная разновидность. Обусловлено это тем, что, как правило, в техническом тексте подразумевается тот, кто будет действовать аналогично [13, с. 122]: *Das Wasser wird abgekühlt; Bei diesem Projekt soll optische Nachrichtenübergabe im Kosmos er-probt werden.* Широко представлены и страдательные конструкции в сочетании с модальными глаголами: *Giffige Gase, die bei einer Reaktion anfallen, sollen vernichtet werden; Flüssigkeitsgemische können durch fraktionierte Destillation getrennt werden.*

Отмечено, что в научно-техническом тексте нередко употребляются сложносочиненные и слож-

ноподчиненные предложения с целью аргументировать, убедить, подчеркнуть необходимость, побудить к действию: *Ein Physiker bewies, dass es etwas gibt, was mit Newtons Gesetz nicht erklärbar ist; Gravitationskraft gehört zu den vier fundamentalen Grundkräften der Natur; auf die alle physikalischen Vorgänge zurückführbar sind.*

Как уже было сказано выше, отличительной чертой текстов технических специальностей является наличие большого числа терминов, дифференцировать которые от общеупотребительной лексики позволяют следующие признаки [10, с. 20]: точное соотношение со специальным понятием, парадигматичность (способность термина реализовывать свое значение вне контекста), стремление к унивокативности и системность.

Для научно-технической терминологии характерны явления синонимии и многозначности, отражающие динамику развития научно-технической мысли. Терминологические исследования, проведенные на кафедре иностранных языков Омского государственного технического университета, показали наличие синонимических рядов терминов разной протяженности во всех терминосистемах, причем в некоторых протяженность синонимического ряда может достигать 10 терминов: *Rechner* — *Computer* — *Rechenanlage* — *DV-Anlage* — *Datenverarbeitungsanlage* — *EDVA* — *Elektronendatenverarbeitungsanlage* — *Computersystem* — *Personalcomputer* — *PC* — персональный компьютер.

Что касается семантической структуры многозначного термина, то в ней выделяется основное или исходное значение, называемое также прямым номинативным значением, инвариантным значением, семантическим ядром, и второстепенное, производное значение, возникающее благодаря вариативным способностям основного значения, имеющего, как правило, более абстрактный характер, чем производные, которые более конкретны. В рассмотренных научно-технических текстах зафиксированы полисемантические термины с количеством значений от 2 до 6, например: *Carrier* — 1) носитель информации; 2) канал передачи информации; 3) высокочастотный сигнал; 4) несущая частота, модулируемый сигнал; 5) линия связи, канал связи; 6) компания-поставщик коммуникационных услуг, телекоммуникационная компания; оператор связи.

Проведенный анализ текстового материала подтвердил наличие терминов, содержащих эмоционально-экспрессивный компонент значения. При этом можно выделяются два пути развития процесса метафоризации, когда общеупотребительное слово сразу переходит в разряд терминологической лексики, и, когда общеупотребительная лексическая единица сначала долгое время существует в пласте профессиональной лексики, затем, став узальной, включается в состав терминологической лексики. Эмоциональная окраска термина может сохраняться и в том случае, когда термин образован от эмоционально окрашенных слов активного словарного состава, например: заимствованный из английского языка термин *die Junk E-Mail* в английской компьютерной терминологии образован путем терминологизации разговорно-окрашенного существительного *junk*, переводимого как «хлам, отбросы; чушь, вздор».

Перейдя в разряд терминологической лексики, это слово получило терминологическое значение, в котором сохранился эмоционально-экспрессивный компонент — «сообщение электронной почты низкой важности».

Следует отметить, что метафора мотивирует термин и служит его пониманию, особенно для людей, не являющихся специалистами в данной области техники, например: *Schildkrötengrafik* — черепаший график, метод, впервые использованный в языке программирования ЛОГО и интересный тем, что его можно обосновать сходством по форме, функции и действию: сходство по форме — с целью обозначения параметров экрана, используются команды передвижения точек, результатом которых является изображение черепахи; сходство по функции и действию — медленное изменение кривой графика ассоциируется с медленным передвижением черепахи. Используя такие лексические средства, автор стремится «не только объяснить, путем рассуждения довести объективную истину, но и воздействовать на читателя, убедить его, заставить воспринимать текст заинтересованно [14, с. 35]».

Кроме терминов в научно-технических текстах используется огромное количество общенаучной лексики, которая передает, описывает и поясняет научные теории, положения, доказательства, например: *Datenanalyse* — анализ данных; *Prognose* — прогноз, предсказание; *Typologie* — типология. Лингвисты относят к данному пласту лексики также стандартизированные фразы и клише: *Der Rückgang (die Verminderung) beträgt; Der Vorteil (Nachteil) besteht darin, dass ...* и т.п.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть существенное значение общеупотребительных слов, которые предоставляют средства для номинации новых понятий и определяют способы практического терминообразования. Общелитературный язык, в свою очередь, обогащается за счет использования терминологической лексики в неспециальных значениях.

Приведенные в статье примеры доказывают, что научно-технический текст изобилует неоднородными по своей семантике языковыми единицами, среди которых особое место занимают термины, в меньшей степени представлены профессионализмы, номенклатура и общенаучная лексика. Лексико-семантические особенности немецких научно-технических текстов выражены широкой представленностью синонимической и полисемантической лексикой. Важным видится и положение об организованности технического текста и возможности его целенаправленного моделирования в соответствии с определенной прагматической установкой.

Библиографический список

1. Жидков А. В. Научно-технический язык и научно-технический перевод // *Science Time*. 2014. № 5 (5). С. 67–71.
2. Борисова Л. И. Лексические трудности перевода научно-технической литературы с английского языка на русский. М.: ВЦП, 1979. 135 с.
3. Голованова Е. И. Когнитивное варьирование в сфере профессиональной номинации // *Когнитивные исследования языка*. 2015. № 22. С. 631–633.
4. Вопросы лингвистики и лингводидактики. Система. Функционирование. Обучение: межвуз. тематический сб. науч. тр. / Редкол.: Г. Г. Галич (отв. ред.) [и др.]. Омск, 2009. Вып. 7. 364 с. ISBN 978-5-7779-1024-0.
5. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во УрФУ им. Б. Н. Ельцина, 2012. 818 с.
6. Кобенко Ю. В. Языковая политика и языковое планирование в призме регуляции корпуса и статуса титульного

языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1, № 1. С. 193–198.

7. Мельникова Е. Н. Сигнификативное значение предложения при рассмотрении его семантико-синтаксической структуры // Лингвистика XXI века: традиции и новации: сб. тр. по материалам Междунар. науч. конф. памяти проф. В. В. Лазарева. 2016. С. 145–150.

8. Шнякина Н. Ю. Язык как источник моделирования познавательных процессов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-2. С. 206–210.

9. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа: моногр. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. 200 с. ISBN 5-8241-0302-X.

10. Клэстер А. М., Шумайлова М. С. Особенности немецкой научно-технической терминологии: моногр. Омск: ИЦ «Омский научный вестник», 2008. 144 с.

11. Klyoster A., Galich G. The fragmentation of professional discourse // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Т. 206. С. 56–61. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.10.027.

12. Charwat, H. Jü. *Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation*. 2., verb. Auflage. München; Wien: Oldenbourg, 1994. 516 p.

13. Троянская Е. С. Лингво-стилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982. 313 с.

14. Александрова О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка). М.: Высш. шк., 1984. С. 35.

КЛЭСТЕР Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Иностранные языки».

Адрес для переписки: annaklyoster@mail.ru

ШУМАЙЛОВА Марина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Иностранные языки».

Адрес для переписки: marina_shumailov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.06.2017 г.

© А. М. Клэстер, М. С. Шумайлова

УДК 811.411.21

Е. В. ТРЕПНАЛОВА

Санкт-Петербургский
государственный университет,
г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ В ТЕКСТЕ КОРАНА

Статья посвящена анализу специфики реализации глаголов в тексте Корана. Автор предпринимает попытки выявить различия особенностей морфологии текста Корана с морфологией современного литературного арабского языка и выдвигает ряд предположений и выводов касательно причин использования определенных словоформ. Каждый случай сопровождается достаточно подробным грамматическим комментарием, примером реализации глагола в тексте и переводом. В начале статьи автор кратко описывает роль Корана в становлении арабского языка и приводит аргументы, почему важно изучать текст священного писания мусульман во всех аспектах, включая морфологический.

Ключевые слова: арабский язык, Коран, морфология, глагол, словоизменение.

Введение. Коран (القُرْآن *al-qur'ān* «чтение») — важный историко-культурный и литературный памятник, и вопрос его изучения представлял интерес для исследователей на протяжении всей истории развития арабского языка.

Еще первые арабские грамматисты (например, Сибавейхи в своем труде «الكتاب» *al-kitāb* «Книга») приводили примеры из Корана для объяснения тех или иных правил, и одной из причин зарождения арабского языкознания стала необходимость систематизировать языковые явления не только для обучения покоренных народов арабскому языку, но и для правильного чтения, понимания и толкования сакрального текста и арабами, и не арабами [1, с. 48, 8]. Так, Коран сыграл важную роль как в развитии исламского вероучения, так и в распространении и становлении единого литературного арабского языка.

Язык Корана — сложное явление, он полон эпитетов и развернутых сравнений, архаичных форм, слов, вышедших из употребления, и даже заимствований из других языков (например, صراط *ṣirāṭun* «путь» из латинского, إبليس *'iblisu* «дьявол» из греческого и т.д.) [2]. Т. Нельдеке пишет, что стиль Корана, в отличие от «устоявшегося» поэтического языка доисламских арабских поэтов, явил собой новый вид литературы¹. К тому же, Мухаммаду приходилось выражать представления, чуждые его окружению, поэтому нередко Пророк не мог излагать их безукоризненно в плане оформления речи. И в связи с этим особенно важно упомянуть мнение Т. Нельдеке, что стиль текста и грамматика можно разделять только теоретически, а в случае текста Корана это практически невозможно [3, с. 7–8]. В некоторой степени об этом и пойдет речь в данной статье.

Как было указано выше, Коран всегда вызывал интерес у исследователей, посвятивших многочисленные труды его истории, толкованиям, стилистическим и лексическим особенностям. Однако, как показал анализ имеющейся научной литературы, морфологии текста Корана, как правило, уделялось намного меньше внимания. Большая часть работ, так или иначе затрагивающих данный аспект, представляет собой либо учебные пособия, нацеленные на освоение основ грамматики арабского языка для лучшего понимания текста Корана, либо включает точечный анализ языка Корана в контексте анализа грамматики классического арабского языка, как, например, в работах Т. Нельдеке [4], Д. Форбса [5] и В. Фишера [6]. Тем не менее данный вопрос является важным в силу того, что анализ любого текста, не говоря уже о тексте Корана, без учета особенностей морфологии может привести к серьезным ошибкам в его переводе и толковании, ведь только глубинное понимание каждого конкретного слова с учетом его грамматического значения позволяет правильно осознать смысл, заложенный в тексте. Также стоит отметить, что анализ морфологии Корана может показать нам, насколько арабский язык подвергся изменениям с течением времени и в чем они состоят, а рассмотрение различных грамматических форм и их анализ в рамках контекста, в котором они используются могут впоследствии объяснить ряд особенностей грамматики классического арабского языка в целом и помочь в его изучении. Все это, а также недостаточная степень изученности вопроса, обуславливают его актуальность.

Цель и метод исследования. Основной целью исследования является выявление морфологических особенностей текста Корана, сравнение их с морфологией современного литературного арабского языка, а также объяснение причин, которыми обусловлены эти особенности.

Морфология Корана представляет собой крайне обширное поле для исследований, однако в данной статье внимание будет уделено особенностям глагольной морфологии.

Для достижения данной цели были проанализированы все глаголы, используемые в тексте Корана. Отличающиеся от современного литературного арабского языка, глагольные словоформы были подробно описаны, а их особенности прокомментированы на основе материалов грамматик У. Райта [7] и Б. М. Гранде [8], учебного пособия «Изучение арабского языка через Коран» А. Джонса [9], учебника арабского языка Э.Н. Мишкурова [10], а также словаря Э. У. Лейна [11].

Особенности морфологии. На основе полученных результатов можно выделить две категории морфологических особенностей: встречающиеся систематически и частные случаи. Представляется целесообразным начать с описания первой категории.

В Коране содержится ряд глаголов V и VI породы², имеющих в перфекте³ вместо префикса арабского литературного языка *ا* /t/ префикс *ا* /it/, который ассимилируется с первым согласным корня, если это *ث* /t/, *د* /d/, *ذ* /d/, *ز* /z/, *س* /s/, *ص* /s/ или *ط* /t/. Таким образом, глагол V породы, образованный от корня *ط* /t/ *ا* /w/ *ف* /f/ в перфекте будет иметь форму *اِطَوَّفَ* 'iṭawwafa, а в имперфекте — *يَطَوِّفُ* yaṭawwafu, вместо *اِطَوَّفَ* taṭawwafa и *يَطَوِّفُ* yaṭawwafu соответственно. Например:

فَمَنْ يَرِدُ اللَّهُ أَنْ يَهْدِيَهُ يَشْرَحْ صَدْرَهُ لِلْإِسْلَامِ وَمَنْ يَرِدْ أَنْ يُضِلَّهُ يَجْعَلْ صَدْرَهُ ضَنْقًا حَرَجًا كَأَنَّما يُصَفِّدُ فِي السَّمَاءِ كَذَلِكَ يَجْعَلُ اللَّهُ الرِّجْسَ عَلَى الَّذِينَ لَا يُؤْمِنُونَ

Кого пожелает Аллах вести прямо, уширяет тому грудь для ислама, а кого пожелает сбить с пути, делает грудь его узкой, тесной, как будто бы он пожимается на небо. Так Аллах направляет наказание на тех, которые не веруют! (6:125)⁴

Интересно отметить, что в некоторых диалектах современного арабского языка, в частности, в египетском⁵, в V и VI породах добавляется префикс *-i* /i/, например, *اِئْتَدَى* 'iṭgaddā «обедать». Схожесть указанных префиксов может свидетельствовать о том, что формы с префиксом *ا* /it/ возникли под влиянием хиджаского диалекта, который был родным для пророка Мухаммада. Действительно, А. Джонс в учебном пособии «Изучение арабского языка через Коран» и Х. Рабин в своей работе «Древний западно-арабский язык» [12] также предполагают, что данные формы испытали на себе диалектное влияние [9, с. 94], притом Х. Рабин особенно акцентирует внимание на том, что подобные формы свойственны диалекту Хиджаза [12, с. 148].

Существует и другая особенность образования V и VI пород глагола в тексте Корана: реализация данных пород в имперфекте множественного числа 2 лица мужского рода, а также единственного числа 2 лица мужского рода и 3 лица единственного числа женского рода происходит без добавления префикса *ا* /t/ [13, с. 135]. Стоит отметить, что данная особенность распространяется не на все глаголы. Как правило, префикс *ا* /t/ опускается при условии того, что смысл аята не будет искажен, т.е. присутствуют дополнительные указания, например, в виде местоимений, относящихся к глаголу, на его конкретную форму (перфект/ имперфект, лицо, число). Кроме того, в некоторых случаях префикс *ا* /t/ предположительно мог опускаться для облегчения произношения во время чтения Корана или сохранения ритма.

Пример с падением префикса *ا* /t/:

وَإِنْ كَانَ ذُو عُسْرَةٍ فَنَظِرَةٌ إِلَىٰ مَيْسَرَةٍ وَأَنْ تَصَدَّقُوا خَيْرٌ لَّكُمْ إِنْ كُنْتُمْ تَعْلَمُونَ

А если кто в тягости, то — ожидание до облегчения, — ведь оказать милость — лучше для вас, если вы знаете! (2:280)

Данный пример особенно интересен, так как, несмотря на то что первым согласным корня является *ص* /s/, и, исходя из описанного до этого «правила», должна произойти ассимиляция, был опущен префикс имперфекта. В этом отношении Х. Рабин высказывает мнение, что подобный случай может служить примером гаплогии⁶, характерной для куфийских чтцов Корана⁷ [12, с. 148]. Аналогичное мнение, также основанное на информации, представленной в работе Х. Рабина «Древний западно-арабский язык», приводится в статье Р. Тэлмона, опубликованной в энциклопедии издательства Brill [14].

Стоит упомянуть, что формы глаголов VI породы в страдательном залоге не представлены в Коране. Вместо этого периодически используются глаголы, заключающие в себе значение страдательного залога, например: *تَبَارَكَ* tabāraka «получать благословение».

تَبَارَكَ الَّذِي نَزَّلَ الْفُرْقَانَ عَلَىٰ عَبْدِهِ لِيَكُونَ لِلْعَالَمِينَ نَذِيرًا

Благословен тот, который ниспослал различные Своему рабу, чтобы он стал для миров проповедником — (25:1).

Прежде чем перейти к описанию следующей морфологической особенности, представляется необходимым предоставить краткую информацию о классификации корней в арабском языке.

Традиционно глаголы и их производные подразделяются на так называемые «правильные»

и «неправильные». Правильными глаголами в арабском языке считаются те, что имеют в составе корня только сильные согласные. Под этим подразумевается, что при спряжении глагола корень не претерпевает никаких изменений, т.е. его корневые не опускаются и не заменяются на другие⁸. Глагол, содержащий в составе корня و /w/ или ي /y/, называется неправильным или слабым. Так называемые хамзованные глаголы, т.е. имеющие ء // в качестве первого, второго или третьего согласного корня, У. Райт причисляет к неправильным глаголам. Удвоенные глаголы, о которых далее пойдет речь, не выделяются им в отдельную категорию, а включаются в состав правильных [7, с. 52, 68, 71].

Повелительное наклонение удвоенных глаголов может встречаться в двух формах: в стяженной и в развернутой. Стяженная форма является наиболее привычной и распространенной в современном литературном арабском языке и подразумевает слияние второго и третьего согласного корня. При использовании развернутой формы второй и третий согласные, наоборот, разделяются. Таким образом, повелительное наклонение от глагола هَمَّ *hamma* «интересовать, намереваться» может, теоретически, реализовываться как هَمِّمْ *hammī* «интересуйтесь» или же как اَهْمِمُوا *ahmimū* «интересуйтесь». Несмотря на то, что развернутая форма считается более редкой, чем стяженная, именно она чаще всего используется в Коране, например:

وقال موسى ربنا إنك آتيت فرعون وملاؤه زينة وأموا في الحياة الدنيا ربنا ليضلوا عن سبيلك ربنا اطمئن على أموالهم واشتد على قلوبهم فلا يؤمنوا حتى يروا العذاب الأليم

И сказал Муса: «Господи наш! Ты доставил Фирауну и его знати красу и богатство в здешней жизни. Господи наш! Пусть сойдут с Твоего пути! Господи наш! Уничтожь их богатство, ожесточи их сердца, чтобы они не уверовали, пока не увидят мучительное наказание» (10:88).

أشدُّ *ušduḍ*, повелительное наклонение от глагола شدَّ *šadda* «тянуть, связывать, укреплять».

Большинство удвоенных глаголов в условном наклонении в тексте Корана также имеет развернутую форму, например:

قُلْ مَنْ كَانَ فِي الضَّلَالَةِ فَلْيَمْدُدْ لَهُ الرَّحْمَنُ مَدًّا حَتَّىٰ إِذَا رَأَوْا مَا يُوعَدُونَ إِمَّا الْعَذَابَ وَإِمَّا السَّاعَةَ فَسَيَعْلَمُونَ مَنْ هُوَ شَرٌّ مَّكَانًا وَأَضْعَفُ جِنْدًا

Скажи: «Кто находится в заблуждении, пусть Милосердный продлит ему предел» (19:76 (75)). И когда они увидят то, что им было обещано, либо наказание, либо час, то узнают они, кто хуже по месту и слабее войском (19:77 (75)).

فَيَمْدُدْ *fa-l-yamdud*, условное наклонение⁹ от глагола مَدَّ *madda* «протягивать, продлевать» — пусть он продлит.

А. Джонс выдвигает предположение, что в VII веке, когда был составлен первый рукописный свод Корана, существовали обе описанные формы условного наклонения удвоенных глаголов. Однако использование развернутой формы было в то время, вероятно, «общей тенденцией в Хиджазе», в силу чего она встречается в Коране чаще, чем стяженная [9, с. 163 — 164]. В данном случае стоит сделать уточнение: развернутая форма реализуется только в формах единственного числа; во множественном числе второго и третьего лица, а также в повелительном наклонении женского рода используется стяженная форма. Так, из 858 удвоенных глаголов было выделено 58 в условном наклонении и 27 в повелительном наклонении. 17 глаголов в условном наклонении (мужской род, множественное число, второе и третье лицо) представлены в стяженной форме, все остальные — в развернутой.

Что касается повелительного наклонения, то из 27 глаголов 15 встречаются в стяженной форме (мужской род, множественное число — 12, женский род единственное число — 3), остальные также в развернутой. Удвоенные глаголы в условном и повелительном наклонениях в двойственном числе найдены не были. Вероятнее всего, здесь действует принцип экономии артикуляционных усилий, так как произнести, например, تَرْتَادُوا *tartaddū* легче, чем تَرْتَادُوا *tartadidū*.

Тем не менее в Коране также можно обнаружить некоторые удвоенные глаголы в форме единственного числа, представленные в стяженной форме, например:

ذَلِكَ بِأَنَّهُمْ شَاقُوا اللَّهَ وَرَسُولَهُ وَمَنْ يُشَاقِ اللَّهَ فَإِنَّ اللَّهَ شَدِيدُ الْعِقَابِ

Это — за то, что они откололись от Аллаха и Его посланника, а кто откальвается от Аллаха... , то весть Аллаха силен в наказании! (59:4)

يُشَاقُّ *yušāqqi*, условное наклонение от глагола شَاقَّ *šāqqa* «противиться».

Количество данных глаголов совсем не велико (всего лишь 3, включая пример, из 58) Возможно, подобная форма использовалась в случае необходимости сохранения ритма, однако данное предположение требует более детального анализа.

Что касается частных случаев, то их не так много, и морфологические изменения в них обусловлены скорее необходимостью сохранить ритмику текста. Например:

مَا يَنْظُرُونَ إِلَّا صَيْحَةً وَاحِدَةً تَأْخُذُهُمْ وَهُمْ يَخِصِّمُونَ

Они не видят ничего, кроме единого вскрика, который постигнет их, когда они препираются (36:49).

Глагол يَخِصِّمُونَ *yaḥiṣṣimūna* относится к глаголам VIII породы и в данном контексте используется во множественном числе настоящего времени. В форме перфекта этот глагол выглядит как اِخْتَصِمَ *iḥtaṣama* «спорить, дискутировать», и, по правилам образования VIII породы, должен выглядеть во множественном числе настоящего времени как يَخِصِّمُونَ *yaḥiṣṣimūna*. Однако Э. Лейн указывает на то, что в форме данного глагола инфикс ت /t/ переходит в /s/, сливаясь затем со вторым корневым, за счет чего и получается удвоение. Огласовка¹⁰ удвоенного /s/, в данном случае кесра, распространяется на первый согласный корня ح /h/. Существуют также варианты чтения без удвоения, а также с сукуном или фатхой вместо кесры [11, с. 751].

Вероятно, данная форма использована с целью сохранения ритма текста, так как при анализе последних слов в аятах до и после представленного можно заметить, что все они созвучны, и, если бы использовалась форма без ассимиляции, ритм был бы нарушен. В поддержку данной выступает тот факт, что реализация глагола в подобной форме — единичный случай, и формы без ассимиляции также используются в тексте Корана в аятах (3:44), (26:96), (27:45), (38:69), (39:31), (50:28).

Помимо представленного выше примера в тексте Корана был найден еще один схожий случай:

قُلْ هَلْ مِنْ شَرِكائِكُمْ مَنْ يَهْدِي إِلَى الْحَقِّ قُلِ اللَّهُ يَهْدِي لِلْحَقِّ أَفَنْ يَهْدِي إِلَى الْحَقِّ أَحَدٌ أَنْ يُشَبِّعَ مَنْ لَا يَهْدِي إِلَّا أَنْ يَهْدِيَ فَمَا لَكُمْ كَيْفَ تَحْكُمُونَ

Скажи: «Есть ли среди ваших со товарищей тот, кто ведет к истине?» Скажи: «Аллах ведет к истине. Тот ли, кто ведет к истине, имеет более прав, чтобы за ним следовали, или тот, кто сам не ведет, если его не будут вести? Что с вами, как вы рассуждаете?» (10:36 (35)).

Данная форма глагола يَهْدِي *ihdī* «идти по правильному» и имеет вид اهْتَدَى *ihtadda* «идти по правильному».

пути». У. Райт, Б.М. Гранде, Э.Н. Мишкуроев не упоминают подобную форму в своих работах. Несмотря на то, что в словаре Э. Лейна данная форма, наряду с формой اِهْدَى 'ihadda, обозначена, грамматический комментарий также отсутствует [11, с. 3042]. Таким образом, можно предположить, что данное преобразование больше обусловлено не грамматически, а фонетически, для удобства чтения: звуки د /d/ и ت /t/ близки по артикуляции, а кесра у первого согласного корня добавляется, вероятно, из-за следующего за ним удвоения. Стоит также обратить внимание на то, что в данном аяте присутствуют несколько созвучных форм, например, يَهْدِي yahdī, что также могло быть одной из причин использования данной формы (يَهْدِي yahiddiya) с целью благозвучия.

В тексте Корана, помимо морфологических особенностей, присутствуют также особенности, носящие фонетический характер, но отраженные на графике. Так, было отмечено, что при присоединении слитного местоимения к глаголу в форме перфекта множественного числа 2 лица мужского рода после суффикса (تُم tum) и слитного местоимения كُمْ kut «вас», добавляется و, соответствующий долготому гласному /ū/. Пример:

وَعَرَضُوا عَلَى رَبِّكَ صَفًّا أَفْعَدُ جُنُودَنَا كَمَا خَلَقْنَاكُمْ أَوَّلَ مَرَّةٍ بَلْ زَعَمْتُمْ أَلَّن نَجْعَلَ لَكُمْ مَوْعِدًا
И представлены они будут твоему Господу рядами.
Пришли вы к Нам, как Мы вас сотворили в начале.
Вы же утверждали, что Мы не назначим вам определенного времени (18:46 (48)).

جَاءَ الْغَاةُ gā'a «приходить».

Данное явление встречается у глаголов разных типов и не описано ни в одном из использованных источников. Можно предположить, что оно носит скорее фонетический характер и используется для благозвучия или облегчения чтения, так как сам корень никаких изменений не претерпевает.

Вероятнее всего, по аналогичным причинам в некоторых случаях у разных типов глаголов при присоединении слитного местоимения первого лица единственного числа происходит элизия гласного, например:

وَجَاءَهُ قَوْمُهُ يُفَزَعُونَ إِلَيْهِ وَمِنْ قَبْلِ كَانُوا يَعْمَلُونَ السَّيِّئَاتِ قَالَ يَا قَوْمِ هُوَ لَاءَ بِنَابِي هُنَّ أَطْفَرُ لَكُمْ فَاتَّقُوا اللَّهَ وَلَا تُخْزُونِ فِي ضَرْبٍ مِمَّنْكَ زَجَلٌ رَشِيدٌ
И пришел к нему его народ, поспешно устремляясь; и раньше они творили зло. Сказал он: «О народ мой! Вот мои дочери, они — чище для вас. Побойтесь же Аллаха и не позорьте меня в моих гостях. Разве нет среди вас человека прямого?» (11:80 (78)).

تُخْزُونِ tuhzūni вместо تُخْزُونِ tuhzūni, имперфект от глагола هَزَى hazā «позорить».

Заключение. Анализ функционирования глагола в тексте Корана позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, на глагольную морфологию текста Корана оказал влияние диалект, поэтому основные различия с современным литературным арабским языком возникают именно из-за реализации в тексте Корана ряда диалектных глагольных форм, нетипичных для современного литературного арабского языка. Так, в V и VI породах вместо приставки ت /t/ в перфекте реализуется приставка اِ /it/, которая ассимилируется в перфекте и имперфекте с первым согласным корня, если это ت /t/, د /d/, ذ /d/, ز /z/, س /s/, ص /s/ или ط /t/. Приставка اِ /it/ характерна для хиджазского диалекта и не реализуется в современном литературном арабском языке. Помимо этого, в тексте Корана нередко встречаются развернутые формы повелительного и условного наклонений удвоенных глаголов. Как правило, в современном литературном арабском языке исполь-

зуются стяженные формы глаголов данного типа. Тем не менее, в тексте Корана развернутые формы встречаются намного чаще в силу того, что их использование во время кодификации текста Корана было более распространено в Хиджазе.

Во-вторых, ритмика текста Корана и стремление сохранить его благозвучие также оказывают немалое влияние на образование тех или иных глагольных форм. На это указывает то, что в V и VI породах в имперфекте в формах второго лица единственного и множественного числа мужского рода, а также третьего лица единственного числа женского рода может опускаться префикс ت /t/. В некоторых случаях также происходит ассимиляция инфикса ت /t/ со вторым согласным корня в VIII породе при наличии созвучных форм, как в аяте, в котором используется глагол, так и в последующих аятах, как можно наблюдать в случае с يَخْصِمُونَ yahīṣimūna «они спорят» и يَهْدِي yahiddiya «он идет по верному пути». Если форма глагола оканчивается на сукун, как в случае с جِئْتُمُونَا gī'tumūna «вы пришли к нам», добавляется و, соответствующий долготому гласному /ū/, для благозвучия и облегчения чтения. Помимо этого, в ряде случаев встречается элизия гласного, применяемая, вероятно, для аналогичных целей.

В заключение стоит отметить, что глагольная морфология текста Корана, имея свои особенности, в целом почти не отличается от глагольной морфологии современного литературного арабского языка. Вероятнее всего, это связано с достаточно слабой вариативностью глагольных словоформ в литературном арабском языке.

Примечания

¹ В Коране, особенно в мединских сурах, прослеживается переход от саджа (سَجْعٌ saǧ'ut «рифмованная проза») к прозе.

² Б. М. Гранде описывает понятие «глагольная порода» как расширенная глагольная основа. Арабские грамматисты не имели определенного термина для обозначения пород. Они использовали слово مُجَرَّدٌ muǧarrad «первообразный» для обозначения нерасширенной глагольной основы (то есть в нашем понимании I породы), и مُجَرَّدٌ فِيهِ muǧarradun fihi «увеличенный» для расширенных основ, а сами глагольные породы обозначали моделями от глагола فَعَلَ fa'ala «делать», располагая их в словарях от простой к более сложным, не нумеруя. В европейских словарях и грамматиках арабского языка породы принято нумеровать римскими цифрами. Всего насчитывается до 15-ти пород трехбуквенного корня, однако наиболее употребительные первые 10 [8, с. 122].

³ В арабском языке есть два морфологически оформленных времени: прошедшее, именуемое «перфект», и настоящее-будущее, или «имперфект».

⁴ Здесь и в дальнейшем перевод И. Ю. Крачковского.

⁵ Помимо литературного арабского языка существует большое количество диалектов, которые разделены на 5 групп: месопотамскую, аравийскую, сиро-палестинскую, египетско-суданскую и североафриканскую (магрибскую).

⁶ Гаплоглия — один из видов комбинаторных изменений звуков; выпадение вследствие диссимилиации одного из двух непосредственно следующих друг за другом одинаковых или сходных слогов. Возникает на стыке морфем [15, с. 93].

⁷ Ал-Кира'а (القراءة al-qir'ātu «чтение») — рецитация отдельных частей или всего текста Корана в ритуальных целях. Чтений Корана, согласно разным источникам, насчитывалось от 7 до 14. В настоящее время сохраняют значение только два чтения: кувейтское и мединское. Интересно отметить, что на кувейтском варианте чтения основано египетское изда-

ние Корана, переиздаваемое во всех мусульманских странах [16, с 138].

⁸ Исключение составляет VIII порода: если первым согласным корня является ث /t/ или ت /t/, происходит ассимиляция с инфиксом َ /i/. В случае, если первый согласный корня эмфатический, он ассимилируется с инфиксом َ /i/, который также переходит в эмфатическую ط /t/. Когда первый согласный корня представлен د /d/ или ز /z/, инфикс َ /i/ переходит в ِ , в случае с ذ /d/ в качестве первого согласного корня, инфикс َ /i/ трансформируется в ِ /d/ или ِ /z/. У. Райт также указывает случаи перехода инфикса َ в ِ /d/, если корень начинается с ح /g/.

⁹ Сослагательное наклонение образуется в арабском языке от формы имперфекта, а условное — от формы сослагательного наклонения.

¹⁰ Огласовки — диакритические знаки, помещаемые над буквой или под ней и обозначающие краткие гласные звуки: فَتْحَة - /a/, كَسْرَة - /i/, دَمَمَة - /u/, سُكُونٌ — для отсутствия гласной.

Библиографический список

1. Звегинцев В. А. История арабского языкознания (краткий очерк). М.: Изд-во МГУ, 1958. 80 с.
2. Gutas Dmitri. Greek Loanwords // BrillOnline Reference Works. Encyclopedia of Arabic Language and Linguistics. URL: http://proxy.library.spbu.ru:3928/entries/encyclopedia-of-arabic-language-and-linguistics/greek-loanwords-EALL_SIM_vol2_0010?s.num=4&s.q=loanwords+in+quran (дата обращения: 21.06.2017).
3. Nöldeke T. Neue Beiträge zum Semitischen Sprachwissenschaft. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1910. 240 S.
4. Nöldeke T. Zur Grammatik des klassischen Arabisch. Wien: Carl Gerold's Sohn, 1896. 114 S.
5. Forbes D. Grammar of the Arabic Language. London: Allen & Co, 1863. 344 p.
6. Fischer. W. Grammatik des klassischen Arabisch. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1972. 262 S.
7. Wright W. A grammar of the Arabic language. In 2 v. V. 1. Beirut: Librairie du Liban, 1996. 317 p.
8. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная литература РАН, 2001. 592 с.
9. Jones A. Arabic through the Quran. Cambridge: The Islamic Texts Society, 2005. 331 p.
10. Теоретический курс арабского языка / Под общ. ред. Э. Н. Мишкурова. М.: Военный институт, 2004. 545 с.
11. Lane E. W. An Arabic-English lexicon. V. 1—8. Beirut: Librairie du Liban, 1968. 3064 p.
12. Rabin Ch. Ancient West-Arabian. London: Taylor's Foreign Press, 1951. 226 p.
13. Редькин О. И., Берникова О. А. Грамматика арабского языка (на примерах из Корана). В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Президентская библиотека, 2015. 219 с.
14. Talmon Rafael. Grammar and the Qur'an // BrillOnline Reference Works. Encyclopaedia of the Qur'an. URL: http://proxy.library.spbu.ru:3928/entries/encyclopedia-of-the-quran/grammar-and-the-quran-EQCOM_00078?s.num=0&s.q=grammar+and+the+quran (дата обращения: 28.05.2017).
15. Лингвистический энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990. 688 с.
16. Ислам: энциклопедический словарь / Под общ. ред. Л. В. Негря. М.: Наука, 1991. 316 с.

ТРЕПНАЛОВА Екатерина Валерьевна, студентка группы 14.Б01-а Восточного факультета.
Адрес для переписки: trepnalova.katya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 26.06.2017 г.
© Е. В. Трепналова

Книжная полка

Садохин, А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие / А. П. Садохин. — 2-е изд., стер. — М. : КноРус, 2017. — 254 с. — ISBN 978-5-406-05550-2.

Посвящено ключевым теоретическим проблемам, возникающим в процессе межкультурного общения. Межкультурная коммуникация рассматривается в аспекте фундаментальных и прикладных исследований как коммуникативная система, обладающая специфическими свойствами, видами и формами общения. При раскрытии основных тем использованы теоретические и методические материалы современной зарубежной науки. Приведены многочисленные примеры из практики взаимодействия представителей разных культур, описано коммуникативное поведение разных народов, проанализированы особенности норм и традиций общения самых многочисленных этнических общностей. Соответствует ФГОС ВС 3+.

Для студентов, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация», а также специализирующихся в области культурологии. Представляет интерес для специалистов по международным отношениям и международному бизнесу, историков, филологов, всех, кто интересуется проблемами коммуникации в культуре.

Найдыш, В. М. Мифология : учеб. пособие / В. М. Найдыш. — М. : КноРус, 2017. — 430 с. — ISBN 978-5-406-05438-3.

В представляемой читателю книге излагаются история изучения мифотворчества от античности до наших дней, современные проблемы науки о мифе. Дана широкая панорама духовных поисков, творческих дерзаний, непростых, подчас трагических судеб идей в сфере постижения сущности мифа. Наряду с вопросами теории мифотворчества исследуются проблемы истории культуры, гносеологии, лингвистики, фольклористики, теории литературы, этнографии, эволюционной эпистемологии, психологии и др. Для студентов и аспирантов, изучающих историю культуры, историю и теорию журналистики, культурологию, языкознание, историю и теорию литературы, философию, психологию, религиоведение.